

Константин Циолковский «На Луне»

«КП» продолжает публикацию фантастической повести, написанной основоположником теоретической космонавтики, гениальным учёным К.Э. Циолковским в 1887 году.

(Продолжение. Начало в «КП» №87 от 12 августа 2017 г.)

А вот место совсем гладкое, хоть и волнистое: не видно ни одного камешка, только чёрные трещины расползаются во все стороны, как змеи... Твёрдая почва – каменная... Нет мягкого чернозёма; нет ни песка, ни глины.

Одна из четырёх иллюстраций художника А. Гофмана к фантастической повести К.Э. Циолковского «На Луне» (Москва, 1893).

Мрачная картина! Даже горы обнажены, бесстыдно раздеты, так как мы не видим на них лёгкой вуали – прозрачной синеватой дымки, которую накидывает на земные горы и отдалённые предметы воздух... Строгие, поразительно отчётливые ландшафты! А тени! О, какие тёмные! И какие резкие переходы от мрака к свету! Нет тех мягких переливов, к которым мы так привыкли и которые может дать только атмосфера. Даже Сахара – и та показалась бы раем в сравнении с тем, что мы видели тут. Мы жалели о её скорпионах, о саранче, о вздымаемом сухим ветром раскалённом песке, не говоря уже об изредка встречаемой скудной растительности и финиковых рощах... Надо было думать о возвращении. Почва была холодна и дышала холодом, так что ноги зябли, но Солнце припекало. В общем, чувствовалось неприятное ощущение холода. Это было похоже на то, когда озябший человек греется перед пылающим камином и не может согреться, так как в комнате чересчур холодно: по его коже пробегают приятные струи тепла, не могущие превозмочь озноб.

На обратном пути мы согревались, перепрыгивая с лёгкостью серн через двухсаженные каменные груды... То были граниты, порфиры, сиениты, горные хрустали и разные прозрачные и непрозрачные кварцы и кремнезёмы – все вулканические породы. Потом, впрочем, мы заметили следы непунической деятельности.

Вот мы и дома!

В комнате чувствуешь себя хорошо: температура равномернее. Это располагало нас приступить к новым опытам и обсуждению всего нами виденного и замеченного. Ясное дело, что мы находимся на какой-то другой планете. На этой планете нет воздуха, нет и никакой другой атмосферы.

Если бы был газ, то мерцали бы звёзды; если бы был воздух, небо было бы синим и была бы дымка на отдалённых горах. Но каким образом мы дышим и слышим друг друга? Этого мы не понимали. Из множества явлений можно было видеть отсутствие воздуха и какого бы то ни было газа: так, нам не удавалось закурить сигару, и сгорая мы испортили здесь пропасть спичек; каучуковый закрытый и непроницаемый мешок сдавливался без малейшего усилия, чего не было бы, если бы в его пространстве находился какой-нибудь газ. Это отсутствие газов учёные доказывают и на Луне.

– Не на Луне ли и мы?

– Ты заметил, что отсюда Солнце не кажется ни больше, ни меньше, чем с Земли? Такое явление можно наблюдать только с Земли да с её спутника, так как эти небесные тела находятся почти на равном расстоянии от Солнца. С других же планет оно должно казаться или больше, или меньше: так, с Юпитера угол Солнца раз в пять меньше, с Марса – раза в полтора, а с Венеры, наоборот, – в полтора раза больше: на Венере Солнце жжёт вдвое сильнее, а на Марсе – вдвое слабее. И такая разница с двух ближайших к Земле планет! На Юпитере же, например, Солнце согревает в двадцать пять раз меньше, чем на Земле. Ничего подобного мы здесь не видим, несмотря на то что имеем к тому полнейшую возможность благодаря запасу угло-

мерных и других измерительных приборов.

– Да, мы на Луне: всё говорит про это!

– Говорит об этом даже размер месяца, который мы видели в виде облака и который есть, очевидно, покинутая нами, не по своей воле, планета. Жаль, что мы не можем рассмотреть теперь её пятна, её портрет и окончательно определить место своего нахождения. Дождёмся ночи...

– Как же ты говоришь, – заметил я своему другу, – что Земля и Луна находятся на равном расстоянии от Солнца? А по-моему, так это разница весьма порядочная! Ведь она, сколько мне известно, равняется трёмстам шестидесяти тысячам вёрст.

– Я говорю: почти, так как эти триста шестьдесят тысяч составляют только одну четырёхсотую часть всего расстояния до Солнца, – возразил физик. – Одной четырёхсотой можно пренебречь.

2

Как я устал, и не столько физически, сколько нравственно! Клонит ко сну непреодолимо... Что-то скажут часы?... Мы встали в шесть, теперь пять... прошло одиннадцать часов; между тем, судя по теням, Солнце почти не сдвинулось: вон тень от крутой горы немного не доходила до дому, да и теперь столько же не доходит; вон тень от флюгера упирается на тот же камень...

Это ещё новое доказательство того, что мы на Луне...

В самом деле, вращение её вокруг оси так медленно... Здесь день должен про-

должаться около пятнадцати наших суток, или триста шестьдесят часов, и столько же – ночь. Не совсем удобно... Солнце мешает спать! Я помню: я то же испытывал, когда приходилось прожить несколько летних недель в полярных странах: Солнце не сходило с небосклона и ужасно надоедало! Однако большая разница между тем и этим. Здесь Солнце движется медленно, но тем же порядком; там оно движется быстро и каждые двадцать четыре часа описывает невысоко над горизонтом круг...

И там и здесь можно употребить одно и то же средство: закрыть ставни.

Но верны ли часы? Отчего такое несогласие между карманными и стенными часами с маятником? На первых – пять, а на стальных – только десятый... Какие же верны? Что это маятник качается так лениво?

Очевидно, эти часы отстают!

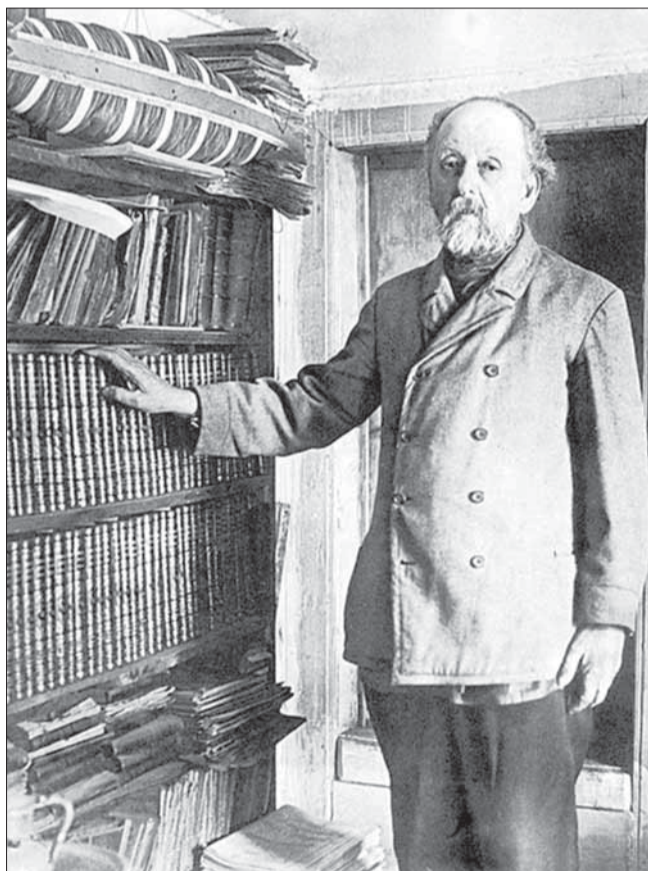
Карманные же часы не могут врать, так как их маятник качает не тяжесть, а упругость стальной пружинки, которая всё та же – как на Земле, так и на Луне.

Можем это проверить, считая пульс. У меня было семьдесят ударов в минуту... Теперь семьдесят пять... Немного больше, но это можно объяснить нервным возбуждением, зависящим от необычайной обстановки и сильных впечатлений.

Впрочем, есть ещё возможность проверить время: ночью мы увидим Землю, которая делает оборот в двадцать четыре часа. Это лучшие и непогрешимые часы!

Несмотря на одолевавшую нас обоих дремоту, мой физик не утерпел, чтобы не поправить стальных часов. Я вижу, как он снимает длинный маятник, точно измеряет его и укорачивает в шесть раз или около этого. Почтенные часы превращаются в чикуши. Но здесь они уже не чикуши, ибо и короткий маятник ведёт себя степенно, хотя и не так, как длинный. Вследствие этой метаморфозы стальные часы сделались согласны с карманными.

Наконец мы ложимся и накрываемся лёгкими одеялами, которые здесь кажутся воздушными.

Энциклопедист Циолковский в своей библиотеке, 1930 год.

Подушки и тюфяки почти не применяются. Тут можно бы, кажется, спать даже на досках.

Не могу избавиться от мысли, что ложиться ещё рано. О, это Солнце, это время! Вы застыли, как и вся лунная природа.

Товарищ мой перестал мне отвечать; заснул и я.

Константин Циолковский, 1910 год.

Весёлое пробуждение... Бодрость и волчий аппетит... До сих пор волнение лишило нас обыкновенного позыва к еде.

Пить хочется! Открываю пробку... Что это – вода закипает! Вяло, но кипит. Дотрагиваюсь рукой до графина. Не обжечься бы... Нет, вода только тёпла. Неприятно такую пить!

– Мой физик, что ты скажешь?

– Здесь абсолютная пустота, оттого вода и кипит, не удерживаемая давлением атмосферы. Пускай ещё покипит: не закрывай пробку! В пустоте кипение оканчивается замерзанием... Но до замерзания мы не доведём её... Довольно! Наливай воду в стакан, а пробку заткни, иначе много выкипит.

Медленно льётся жидкость на Луне!..

Вода в графине успокоилась, а в стакане продолжает безжизненно волноваться – и чем дольше, тем слабее.

Остаток воды в стакане обратился в лёд, но и лёд испаряется и уменьшается в массе.

Как-то мы теперь пообедаем?

Хлеб и другую, более или менее твёрдую пищу можно было есть свободно, хотя она быстро сохла в незакрытом герметически ящике: хлеб быстро обратился в камень, фрукты съжились и также сделались довольно твёрды. Впрочем, их кожа всё ещё удерживала влажность.

– Ох, эта привычка кушать горячее! Как с нею быть? Ведь здесь нельзя развести огонь: ни дрова, ни уголь, ни даже спички не горят!

– Не употребить ли в дело Солнце?... Пекут же яйца в раскалённом песке Сахары!..

И горшки, и кастрюли, и другие сосуды мы переделали так, чтобы крышки их плотно и крепко прикрывались. Всё было наполнено чем следует, по правилам кулинарного искусства, и выставлено на солнечное место в одну кучу. Затем мы собрали все бывшие в доме зеркала и поставили их таким образом, чтобы отражённый от них солнечный свет падал на горшки и кастрюли.

Не прошло и часа, как мы могли уже есть хорошо сварившиеся и ужаренные кушанья.

Да что говорить!.. Вы слышали про Мушо? Его усовершенствованная солнечная стряпня была далеко позади!.. Похвальба, хвастовство? Как хотите... Можете объяснить эти самонадеянные слова нашим волчьим аппетитом, при котором всякая гадость должна была казаться прелестью.

Одно было нехорошо: надо было спешить. Признаться, мы не раз-таки давились и захлёбывались. Это станет понятно, если я скажу, что суп кипел и охлаждался не только в тарелках, но даже и в наших горлах, пищеводах и желудках; чуть зазевался – глядишь: вместо супа кусок льда...

(Продолжение в следующую субботу)